

ном озере самым тесным образом связано с исконным древнеегипетским культом воды, как самой опасной и в то же время самой благодетельной для человека стихии. Поэтому все эти религиозные представления целиком вошли в культ Озириса, как божества водной стихии, обеспечивающей всему Египту урожай и жизнь. Отголоски этого культа воды сохранились в мистериальных текстах, высеченных на стенах храмов в Дендера и в Эдфу. Так, в одном тексте из Дендера, посвященном культу и мистериям Озириса, говорится, что в шесть часов ночи «жрец *сем* совершает второе возлияние и приносит океан воды в кувшине *сенбет*»³⁴. А в тексте из Эдфу говорится, что в четвертый час ночи «снабжает тебя Шу прекрасным озером с его водой»³⁵. По очень древней легенде, обрывки которой сохранились до нашего времени в целом ряде текстов, Озирис утонул в собственной воде. Об этом ясно говорится в Мемфисском богословском трактате, который восходит к периоду Древнего царства. «Так как Озирис в своей воде потонул, в то время как это видели Изиды и Нефтиды. Они увидели его и изумились ему. Тогда Гор приказал Изиде и Нефтиде, чтобы они схватили Озириса и не дали бы ему полностью утонуть»³⁶. Этот эпизод из древних мистерий Озириса, где изображалось, как союзники Озириса спасают его во время битвы на озере, также упоминается в тексте из храма в Эдфу, в котором подробно описывается последование всей мистерии Озириса. «Я прогнал злое на воде, я прогнал злое под водой»³⁷. Нет никакого сомнения в том, что мистерии, описанные на стенах храмов в Эдфу, в Филэ и в Дендера, и во времена Геродота справлялись с такой же торжественностью, как и в более древние времена.

И, несомненно, к египетской традиции восходит рассказ Геродота о том, что, по словам египетских жрецов, первый египетский фараон Мина построил близ Мемфиса защитную плотину и соорудил в этом городе храм в честь египетского бога Гефеста (II, 99). В тексте Мемфисского богословского трактата, который несомненно связан с мистериями Озириса, сообщается о том, «что была построена царская крепость»³⁸. Далее, в этом же тексте говорится, что тело Озириса было погребено именно в этой крепости: «и так дали они ему причалить к земле...и так был погребен Озирис в земле в „царской крепости“, на северной стороне этой страны, к которой он причалил...»³⁹. Наконец, в том же самом Мемфисском богословском трактате подробно описывается погребение Озириса, которое, очевидно, входило в качестве специального эпизода в мистерии Озириса. «Они повернули лицо в соответствующее время. И они дали ему причалить к земле. Он вступил в „Тайные Врата“ в великолепии Владык Вечности соответственно поступи тех, кто сияет на горизонте на путях Ра, на великом престоле. Он соединился с придворными и присоединился к богам Та-тенен (т. е. страны Тенен. — В. А.) к богу Пта — владыке лет»⁴⁰. Особенно характерно то обстоятельство, что Геродот упоминает храм Гефеста, находящийся в Мемфисе, т. е. очевидно, храм бога Пта, которого все греческие писатели обычно отождествляли с Гефестом. Следует отметить, что в Берлинском папирусе № 3056, 2, 5 упоминается «царская крепость» Та-тенен, старейшего среди первородных богов, т. е. бога Пта. Таким образом, этот эпизод о погребении Озириса в Мемфисе, несомненно, связан с рассказом об основании Мемфиса царем Мином, который приводит Геродот, очевидно, опираясь на хорошую египетскую традицию.

В. И. Аводес

³⁴ J u n k e r, Stundenwachen..., стр. 11.

³⁵ Там же, стр. 99.

³⁶ S e t h e, Dramatische Texte..., стр. 72.

³⁷ J u n k e r, Stundenwachen..., стр. 68.

³⁸ H. K e e s, Das alte Ägypten, B., 1955, стр. 80 сл.; H. R a n k e, Reallexikon der ägyptischen Religionsgeschichte, B., 1952, стр. 446—451.

³⁹ A. E r m a n, Denkmal memphitischer Theologie, B., 1911.

⁴⁰ Б. А. Т у р а е в, Египетская литература, М., 1920, стр. 39—41.

EGYPTIAN TRADITIONS IN HERODOTUS

V. I. Avdiev

Of course one should not idealise Herodotus, whose second book is devoted to the history and culture of ancient Egypt. Even in antiquity he was often criticised for putting trust in tales and legends. However, careful comparison of his account with the Egyptian texts of the «Mysteries of Osiris in Abydos», the «Dramatic Papyrus from the Ramesseum» and the «Memphis Theological Treatise» shows that he described these mysteries rather accurately. Moreover he knew that the Egyptians believed in the magic power of the god Osiris and that in the precincts of some temples there was a sacred lake and two obelisks.

SERVUS BONUS У ПЛАВТА

Рабами у Плавта занималась главным образом история литературы, но с недавнего времени они заинтересовали и историков-социологов, стремившихся по материалам комедии охарактеризовать рабство в Риме, а заодно показать и отношение самого Плавта к рабу и его хозяину. В работах последних десятилетий раб оказывается представителем угнетенного и обездоленного класса, «поднимающего голос против бесхозяйственности эксплуатации»¹; его устами Плавт свободнее выражает взгляды тех слоев общества, борьбе которых с родовой и денежной аристократией он сочувствует². И П. С. Данкин, и О. Юревич утверждают, что Плавт проникнут к рабу глубокой симпатией. Я. Н. Коржинский пишет: «Раб у Плавта вызывает симпатию как представитель обездоленного класса. Такое же сочувствие... к рабу Плавт стремился вызвать и у зрителей»³.

Концепцию Данкина и Юревича внимательно разобрал и убедительно опроверг П. Шпангер⁴. Остановился он и на характеристике рабов у Плавта, к которой, однако, можно сделать некоторые дополнения, поставив в связь те монологи рабов, где они дают собственную характеристику.

Рабов, действующих в комедиях Плавта, историки литературы давно свели к нескольким типам⁵; главных — два: «хороший раб» — *servus bonus* и «хитрый раб» — *servus callidus, fallax*. Последнего в интересующей нас связи можно не принимать во внимание, потому что, если в нем и есть черты реального раба (раб уже в силу условий своей жизни, и хитрил, и лгал, и был вороват), то они настолько преувеличены и так использованы, что «хитрого раба» можно считать созданием Плавта. Его комедии нужен был этот мастер интриги и обмана, который ловко ведет трудную игру, придумывает смелые и хитрые ходы и выходит победителем из положений, казалось бы, безвыходных. Только с ним, записным плутом и пройдохой, и можно было создать тот иллюзорный мир, комизм которого в значительной степени построен на переворачивании социальных и житейских отношений: раб ездит верхом на господине (*Asin.* 700 сл.), господин слушается приказаний раба (*Cas.* 757 сл.), старый опытный купец сразу оказывается игрушкой в руках раба (*Most.* 450 сл.), раб — единственная опора и поддержка беспомощного и бестолкового юнца, своего хозяина.

¹ P. S. Dunkin, *Post-Aristophanic Comedy. Studies in the Social Outlook of Middle and New Comedy at both Athens and Rome*, Urbana (Illinois), 1948, стр. 140, ср. стр. 104.

² О. Юревич, *Niewolnicy w komediach Plauta*, Warszawa, 1958, стр. 21.

³ Я. Н. Коржинский, *Отношение раба к выходу на волю*. (По материалам римской комедии), ВДИ, 1957, № 3, стр. 157.

⁴ P. Spranger, *Historische Untersuchungen zu den Sklavenfiguren des Plautus und Terenz*, Mainz, 1961.

⁵ E. Schild, *Die dramaturgische Rolle der Sklaven bei Plautus und Terenz*, Diss., Basel, 1917.

Заинтересовался ли Плавт реальным, в действительности существовавшим рабом по контрасту с рабом вымышленным, существовавшим только в комедии и для комедии? Была ли здесь какая-то другая причина? Несомненно одно: из дошедших до нас писателей Плавт был первым, кто обратил внимание на раба как на человека, кто стал вглядываться в его внутренний облик, его душевный склад. Автор бездумно веселых комедий, рассчитанных, конечно, в первую очередь на то, чтоб увеселять зрителей, неожиданно предстает перед ними в роли внимательного и умного психолога. Свои наблюдения над рабом Плавт изложил в монологах, которые произносят рабы. Монологи эти не имеют никакого отношения к действию и никакого комического эффекта не создают.

Плавта в первую очередь заинтересовал «хороший раб», этот, с хозяйской точки зрения, лучший представитель рабского сословия. Он трижды заставил этого раба изложить основы его житейской философии: зрители, очевидно, с удовольствием выслушивали рассуждения и Мессениона в «Менехамах» (966—989), и Гарпага в «Псевдоле» (1103—1115), и Ликонидова раба в «Кладе» («Aulularia») (588—603)⁶. По содержанию рассуждения эти одинаковы: хороший раб, заботящийся о хозяйском деле, занят им в отсутствие хозяина так же старательно, как и в его присутствии, и даже лучше (*apsente ero rem eri diligenter tutetur... aut rectius* — Men. 968); он служит хозяину хорошо и без воркотни (*bene et sedate* — 980), воздерживается от проступков (*culpa absteineam* — 983). Мессениону вторит Гарпаг: «Никуда не годится раб, который ни во что ставит приказ своего господина, который забывает о своих обязанностях, если ему их не напомнить» (*nequam homo, qui nihili eri imperium... servus facit ... qui officium facere immemor est nisi est admonitus* — Pseud. 1103—1105); «я, когда мне что приказано, хотя хозяина и не было, считаю, что он тут» (*etsi abest his adesse erum arbitror* — 1114). Те же мысли высказывает раб Ликонида: хороший раб (*servus frugi* — Aul. 587) не тяготится своей службой (*ne molestiae imperium erile habeat sibi* — 588) и думает сначала о хозяйских делах, а потом уже о своих (*in erum matura in se sera condecet capessere* — 590). Побуждают его к такому ревностному выполнению своих обязанностей два чувства — и страх наказания: доброму рабу не грозят ни плеть, ни колодки (Aul. 601—602), «ненавижу побои; охотнее ем молотую муку, чем мелю ее» (Men. 978—979), и выгода: хозяин наградит за добрую службу (Men. 984).

Раб имеет дело, однако, не только с хозяином; он член рабской familia, это его среда. Каков же он со своими товарищами по рабству?

Плавт нигде в сохранившихся комедиях не выводит общества рабов; судя по экономии Новой комедии, оно ей и не было нужно. Раб и его господин — вот центральная пара, та ось, вокруг которой идет все действие. И очень показательно для серьезного внимания, с которым Плавт относился к рабу, то обстоятельство, что он счел необходимым поглядеть на него в рабском окружении. При полном отсутствии нужды в этом, и литературной и сценической, он повернул своего раба лицом к его сорабам: это плохие рабы — не вымышленные *servi callidi*, без которых никакой комедии не будет, а реальные люди. Плавт давал таким образом полную картину рабского общества, а вкладывая характеристику плохого раба в уста *servus frugi*, дополнительно характеризовал и этого последнего, показывая в нем черты, в отношении к хозяину не проявлявшиеся. «Хороший раб» строго судит плохих: они лишены здравого смысла (*ingeni boni*), говорит Гарпаг, они «роскошествуют, проедают, что имеют, они долго остаются рабами» (*luxantur... comedunt quod habent, i nomen diu servitutis ferunt* — Pseud. 1107—1108); еще подробнее характеристика, даваемая Фаниском (Mostel. 858 сл.); он, *servus bonus*, резко им себя противопоставляет: они *improbi* (ср. *improbi, ignavi* — Men. 973); они «заслужили злое» (*malum meriti*), они расточительны (*peculi sui prodigi*); нашкодив, они ищут спасения в бегстве, а пойманные, «несут побои» (*plagigeruli*). Ему их нисколько не жалко: «их спина для меня дешевле моей» (*minoris pendo tergum illorum quam meum*); он спокойно донесет на них, ничуть не тревожась

⁶ Э. Френкель убедительно показал, что эти монологи рабов не переделка греческого оригинала, а создание Плавта: они облечены в форму лирических партий, в которых Плавт всегда самостоятелен (E. F r e n k e l, *Plautinisches im Plautus*, B., 1922, стр. 243).

тем, что «негодные рабы» будут отстеганы плетью. Когда Периплектомен приказывает своей челяди перебить ноги любому рабу воина, исключая Палестриона, то Палестрион — а он три года прожил с рабами воина — отзывается на этот приказ: «Меня он исключил, что он сделает с остальными, мне наплевать (me exsepit; nihili facio quid illis faciat ceteris — Mil. 168). Он не умеет быть товарищем, он никому не доверяет и полагается только на себя: «Ничего не стоит раб, нуждающийся в совете (nil est quam egens consili servos — Bacch. 651). Servus bonus, он выделился своей службой, чистыми и нечистыми способами втерся в милость хозяина; ему завидуют и его ненавидят: «Он хозяйке самый близкий; первого зовут есть, первому дают кашу, ни одному рабу у нас не живет так хорошо, как ему» (hic eae proximum, primus ad cibum vocatur, primo pulmentum datur... neque quoquam quam illi in nostra meliust famulo familia — Mil. 348—351), — говорит Скеледр о Палестрионе — рядовой раб завидует удачливому выскочке и ненавидит его. Сцена между Фаниском и Пинакием весьма красноречиво изображает положение «хорошего раба» в рабской familia (Most. 885—897). «Если ты сам себе не поможешь, ты пропал», — говорит Эпидик в комедии того же имени (nisi quid tibi in tete auxili est, apsumptus es — Ep. 83) и, представляя себе будущее наказание, замечает: «я знаю наших (т. е. рабов-сотоварищей): „мне больно — я взвою“» (novi ego nostros: mihi dolet quom ego varulo — Ep. 147).

Итак, усердный слуга, побуждаемый в усердии страхом и расчетом, равнодушный к своим товарищам и пользующийся их промахами как средством для своего продвижения, он занят только своей судьбой, в мире для него существует только он. Его оценка «плохих рабов» последовательно вытекает из этого эгоцентризма (тонко подмеченная черта!): «хороший раб» осуждает их в первую очередь за отношение к самим себе: они сами себя губят, растрачивают свое peculium, сами себя лишают возможности выйти на свободу. Характеристика, которую он дает им, дополняется другой: два «плохих раба», перебранываясь друг с другом, рисуют свой облик (Asin. 560 сл.). Раб показан здесь в своем отношении не только к хозяину, а к людям вообще: он лжец, вор, клятвопреступник, святотатец, на него нельзя положиться, ему нельзя довериться. — он infidus, неверный человек (fidentem fraudaveris; libenter peireraris; prensus in forto... sacro manus sis admolitus).

Плавт не удовлетворился эмпирической характеристикой раба; он задумался над основной причиной, над началом, создающим такую душу. И увидел его в отсутствии всяких нравственных норм: раб versipellis, перевертень, он способен на доброе и на злое в зависимости от окружающей обстановки; не его нравственными положениями, не голосом совести определяется его поведение — он негодяй с негодями (improbis cum improbus; хорош с хорошими, плох с плохими: «он должен вести себя в соответствии с обстоятельствами» (utrumque res sit, ita animum habeat — Bacch. 656—661), неизменно заботясь об одном — о собственном благополучии. Лесбоник (Trin.), прокутивший свое состояние, считает нравственной обязанностью отдать единственный еще уцелевший у него участок земли в приданое сестре; для Стасима, его раба, этот поступок безрассуден, потому что кладет конец спокойной и обеспеченной жизни.

Нет основания думать, что эта характеристика была для зрителя Плавта неожиданной новостью. Он только свел вместе, представил в едином и цельном виде то, что разрозненно, не додумано и не столь отчеканено было в мыслях любого рабовладельца. Что характеристика понравилась, об этом свидетельствует неоднократное ее повторение, для действия пьесы и ее экономики вовсе ненужное. Она была теоретическим обоснованием общепринятого обращения с рабом, своего рода «идеологическим щитом», которым можно было заслониться от утверждения раба, что он такой же человек, как и его свободный собеседник (tam ego homo sum quam tu — Asin. 490). Такой же? Хозяин, тысячу нитей связанный с окружающим миром, гражданин, член общества, сознающий свое достоинство, твердо знающий, что это достоинство и честь от него требуют, и ставящий эти требования выше всяких житейских выгод и усад, и его раб, существо без чести и достоинства, для которого все нравственные требования ничего не стоят по сравнению с единственной реальной для него ценностью — сытой жизнью, злой одиночка, свой только себе и чужой всем в мире, движимый даже в лучших поступках

своих только корыстью и страхом, — он человек такой же, как его хозяин? По существу ведь он гораздо ближе к скотине. Советы Катона, как оходиться с рабом, были практическим выводом из этого рабовладельческого мировоззрения, так законченно и отчетливо сформулированного Плавтом. И однако Плавт сам пробил в нем брешь, сделав Мессениона преданным добрым слугой, который кидается на помощь хозяину без всякой мысли о награде (Men. 1109—1110).

«Серая теория» вообще не бывает в ладу с «золотым деревом жизни». Жизнь быстро вразумила рабовладельца, что в именин¹у него хозяйство пойдет успешнее и прибыльно только в том случае, если у его рабов будет «охота к работе и благожелательность к хозяину» (Varr., R. г. I, 17,7); в страшные дни проскрипций показала ему, что рабы и отпущенники, т. е. вчерашние рабы, оказались вернее, чем его свободные от рождения сыновья (Vell., II, 67, 1); она столкнула его с учеными рабами — греками, которые знали наизусть Илиаду и объясняли ему «Тимея». Экономика, история, повседневный быт в мере, большей, чем философия, создавали тот «нравственный климат», который заставил Сенеку зачеркнуть Плавтову характеристику, сказав, что высокая душа может жить не только в римском гражданине, но и в рабе (Sen., Ep. 31, 11).

М. Е. Сергеевко

THE *SERVUS BONUS* IN PLAUTUS

М. Ye. Sergeyenko

The author writes about the «good slave», into whose mouth Plautus puts self-recommendations. Here is a diligent servant, guided by fear and discretion, despising his fellows (the «bad slaves») for their imprudence (they «deservedly» suffer blows and lengthy servitude) and building his own promotion on their blunders. In general Plautus regarded the slave as «untrustworthy» (*infidus*) and devoid of moral standards (*versipellis*.) This is the typical slaveowner's attitude, which Cato also had. And yet it was Plautus himself who breached it by his portrayal of the faithful servant rushing to his master's aid with no thought for himself.

INTEMPTATA NITES: К ИСТОЛКОВАНИЮ ОДЫ ГОРАЦИЯ I, 5

Ода, обращенная к очаровательнице Пирре (I, 5), — одно из наиболее прославленных стихотворений Горация. Уже в XVII в. тонкий комментатор и переводчик Горация Дасье — the admirable Dacier, по выражению столь же проникновенного исследователя Горация, недавно скончавшегося Эдуарда Френкеля, — дает ей восторженную оценку, не находя во всем лирическом наследии Горация стихотворения, которое превосходило бы эту оду законченностью художественной формы. Об ее широкой популярности красноречиво свидетельствует вышедшая в Англии в 1959 г. книга¹, где содержится 144 перевода этой оды на двадцать пять языков, что составляет лишь часть собранного автором книги материала насчитывающего 451 перевод.

Несмотря на существование столь солидной традиции переводов и интерпретаций, мы находим в общепринятом понимании основного смысла этой оды существенный пункт, вызывающий сомнение и оправдывающий новую попытку ее непредвзятого истолкования.

¹ R. Storrs, *Ad Pyrrham*. A Polyglot Collection of Translations of Horace's Ode to Pyrrha, Oxf., 1959, XXXVII + 255 стр.

Вот текст рассматриваемого стихотворения и перевод Семенова-Тян-Шанского, цитируемый в предисловии М. Л. Гаспарова².

Quis multa gracilis te puer in rosa
Perfusus liquidis urget odoribus
Grato, Pyrrha, sub antro?
Cui flavam religas comam,

Simplex munditiis? Heu quotiens fidem
Mutatosque deos flebit et aspera
Nigris aequora ventis
Emirabitur insolens,

Qui nunc te fruitur credulus aurea,
Qui semper vacuum, semper amabilem
Sperat, nescius aurae
Fallacis. Miseri quibus

Intemptata nites; me tabula sacer
Votiva paries indicat uvida
Suspendisse potenti
Vestimenta maris deo.

Кто тот юноша был, Пипра, признайся мне,
Что тебя обнимал в гроте приветливом
Весь в цветах, в ароматах,
Для кого завязала ты

Кудри в узел простой? Ах, сколько раз потом
Он измены судьбы будет оплакивать
И дивиться жестоким
Бурям моря страстей твоих,

Он, кто полон тобой, кто так надеется
Вечно видеть тебя верной и любящей,
И не ведает ветра
Перемен. О несчастные,

Все, пред кем ты блистешь светом обманчивым!
Про меня же гласит надпись обетная,
Что мной влажные ризы
Богу моря уж отданы.

В передаче слов *miseri quibus, intemptata nites* — «о несчастные, все, пред кем ты блистешь светом обманчивым» — переводчик следует традиционному пониманию этого места, восходящему к античным школьным комментариям. Вот примечание к рассматриваемым словам, дошедшее до нас под именем грамматика III в. н. э. Помпония Порфирיוна: «Несчастливыми Гораций называет тех, кому, и известно и кем не испытано коварство этой куртизанки (*meretricis*); о себе же он говорит, что, освободившись от ее любви, он принес благодарственное посвящение божеству, как это делают те, которые спаслись от опасностей мореплавания»³.

Хотя эта интерпретация явно проникнута плоским школьным морализированием, нужды горацианской лирике, она была без изменений воспринята позднейшими комментаторами и переводчиками и до настоящего времени не встретила возражений.

² Квинт Гораций Флакк, Оды, эподы, сатиры, послания. Перевод с латинского, М., 1970, стр. 48.

³ *Pomponii Porphyrio commentarii in Q. Horatium Flaccum*. Rec. Gulielmus Meyer, Lipsiae, 1874.